

Веселкова Н.В., Мокерова Ю.В.

Екатеринбург

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫБОР ВУЗА ИЛИ ГОРОДА?

Ключевые слова: территория, развитие, университет, выбор, аргументация выбора, иностранные студенты.

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос взаимного влияния и связи между репутацией высшего учебного заведения, его способностью конкурировать на рынке за целевой контингент и привлекательностью территории, на которой конкретный вуз располагается. На базе материалов конкретного исследования авторы выделяют и описывают комплекс факторов, определяющих аргументацию выбора регионального российского вуза иностранными студентами, у которых была возможность выбрать образовательный центр не только в своей стране, а также в других городах России и даже – других странах мира. Авторы также дают обобщенную оценку проблем развития территорий, которые являются барьерами для успешного продвижения как самой территории, так и формирующих ее субъектов.

Veselkova N.V., Mokerova J.V.

Yekaterinburg

HIGHER EDUCATION: THE CHOICE OF THE UNIVERSITY OR THE CITY?

Keywords: territory, development, university selection, the argument of choice, foreign students.

Summary. This article examines the mutual influence of the reputation of the university, its ability to compete in the market and the attractiveness of the territory in which a particular institution is located. On the basis of materials of the particular study the authors identify and describe a set of factors determining the choice of arguments Regional Russian university foreign students. The students had the opportunity to choose the educational center not only in his country but also in other Russian cities, and even - to other countries. The authors also provide a generalized assessment of the problems of development of territories, which are barriers to the successful promotion of both the territory and form its subjects.

В современных условиях развития системы образования, благодаря информационной насыщенности, конкуренции, изменениям в системе оценки уровня подготовки и знаний абитуриентов, а также факторам, обеспечивающим пространственную и временную мобильность, у желающих получить высшее образование, гендерному и т.п., ско-

разование значительно расширились как варианты выбора места обучения, так и возможности поступить, если не на бюджетное место, то на контрактной основе, в различные ВУЗы страны, мира. Сказанное не означает, конечно, исчезновения неравенства по всем классическим критериям: классовому, территориально-ее выводит на первый план относи-

тельно новый вид – цифровой разрыв, по-своему актуализирующий все остальные виды неравенства¹.

Глобализация образовательного пространства для университетов означает все более напряженное соперничество друг с другом, когда, например, расположенный в г. Екатеринбурге Уральский федеральный университет рассматривает в качестве конкурентов не только ближайших соседей по региону в Челябинске, Перми, Башкирии, но и столичные вузы, а постепенно, и образовательные ресурсы других стран.

Привлекательность вуза стала определяться не только его собственными характеристиками, но и качествами «окружения», в частности – территории, того населенного пункта, где он расположен. И наоборот, престижный университет работает на рейтинг города; это взаимное влияние сегодня активно изучается на многих примерах в разных странах². Если в семье абитуриента рассматривают переезд из родного города как потенциальную возможность, то выбирают не только, а подчас не столько конкретный вуз, сколько территорию – страну, регион, город. Исследование стратегий выбора ВУЗа иностранными студентами, поступившими в УрФУ³, по-

казало, что на рынке высшего образования выбор порой действительно идет не между вузами, а между городами, формирующими определенную среду обитания и возможностей. Город сам становится драйвером продвижения ВУЗов.

На что ориентируются те, кто выбрал Екатеринбург в качестве места получения образования? Результаты исследования показывают, что наряду с формальными показателями уровня развития территории для потенциальных студентов имеет значение репутация, имидж территории, субъективные представления и опыт, которые в итоге складываются в конструкт, определяющий или блокирующий выбор учебного заведения.

Личные впечатления – как свои собственные, так и знакомых, друзей «приближают» город, помогают его осваивать, делать своим. *«Ну я просто, наверное, в город влюбилась и я не хотела отсюда уезжать ... архитектура, люди, какая-то общая атмосфера ... мне казалось, что это прям мое. Ну, вот как будто бы роднее, чем мой родной город»* (КЖ43). Студент-психолог уже после 9-го класса «железно решил», что поедет в Екатеринбург, *«сюда знакомая одна уехала учиться, в общем, она отзывалась очень хорошо там, об этом городе»* (КМ6).

При личном знакомстве с городом Екатеринбург впечатляет иностранных студентов «красотой» и «душевностью»: *«Сам город очень красивый, много достопримечательностей, памятников»* (КМ26). Выходцам из Таджикистана важно, что город «тихий»:

«я хотел поступать в Питер, там тоже условия как в УрФУ были, там тоже стипендии повышенные были. Но потом мне

для ориентации в которых использован шифр, в котором первая буква означает страну (К- Казахстан, Кг – Киргизия, Т – Таджикистан), вторая буква – пол информанта (Ж – женский, М – мужской), цифры – порядковый номер интервью.

¹ Данные по сравнительному исследованию 2012–2013 гг. в пяти странах с уровнем проникновения интернета 78–92% (Новая Зеландия, Швеция, США, Швейцария, Великобритания) см. Moritz Büchi, Natascha Just, and Michael Latzer.

² Paul Benneworth David Charles & Ali Madanipour: Университет – драйвер развития города

³ В 2014 г. лабораторией политологических и социологических исследований департамента политологии и социологии ИСПН УрФУ по заказу управления стратегического развития и маркетинга университета было проведено исследование мотивации выбора и механизмов принятия решения о выборе образовательных траекторий и вузов иностранными студентами (Казахстан, Киргизия, Таджикистан). Далее приводятся данные интервью, собранных в рамках данного исследования,

друзья сказали, что Екатеринбург более-менее тихий город, давай поступай сюда» (ТМ27),

«тихий, не как Москва, или Санкт-Петербург» (ТМ29).

Девушка из Кыргызстана сумела найти достоинство даже в «холодноватом» климате:

«город мне тоже понравился, хотя он немного холодноват, но это даже наверно немного ... специфическая его сторона, особенность его. Настоящая зима, здесь все настоящее, как вот за границей же рассказывают про Россию, это все я увидела своими глазами» (КГЖ14).

Эта студентка ранее часто бывала в Москве и ориентировалась на московские вузы, а Екатеринбург по русским телесериалам представляла «вроде поселка или села», где люди «с каким-то акцентом разговаривают, с каким-то говором. А на самом деле нет, такие же люди как в Москве, даже намного проще, я скажу. Намного лучше даже наверно, чем в Москве». Однако Екатеринбург оказался достаточно большим и в то же время выиграл по сравнению с Москвой, где «все люди злые, так не любят, любят торопиться везде вот так, конкретные вещи. Что-то для души, что-то для себя, такого нету, да, чисто по делу, дело-дело-дело». В итоге «через полгода я была рада, что я здесь учусь, а не в Москве» (КГЖ14). Молодой человек из Кыргызстана «не рассматривал Москву и Петербург. Потому что очень большие города и меня не очень тянуло туда» (КГМ44).

Русским студентам из Казахстана, наоборот, больше нравится, что Екатеринбург – большой город, что для кого-то из них подкрепляется и статусом третьего города страны. Так, молодой человек предпочел Уральский университет Челябинскому университету «по отзывам наверно, ну и где находится. Допус-

тим, Екатеринбург считается третьим городом, соответственно если вуз в Екатеринбурге, то лучше там, чем в Пензе. Как МГУ считается престижней, чем УрФУ, или там Петербургский» (КМ16), сыграла роль и относительная близость к дому. Другой молодой человек: «когда первый раз слышал о Екатеринбурге, сказали, что это третий большой и красивый город в России после Москва и Санкт-Петербурга. Мне была интересно чтобы как посмотреть город, где он находится как в городе находятся вузы. Когда я посмотрел с интернетом, когда посмотрел своими глазами, мне понравился город» (ТМ7).

Девушке из Казахстана нравится, что Екатеринбург больше ее родной Караганды и больше Томска, где она до этого училась. Ее соотечественница, говоря: «у нас другие люди. Другой менталитет», имеет в виду скорее не этнокультурные отличия, а специфику большого и малого города:

«У нас очень страшно ходить в городе по ночам по вечерам. А тут не страшно, особенно по центру ходить. Если может быть по Уралмашу страшно. И тут людям все равно на тебя, никто тебя не осматривает. У нас идешь по городу и тебя обязательно прям оценят. Посмотрят все от и до как ты одета. Еще могут что-то сказать. Неприветливые у нас люди. У нас город маленький и все одеваются под копирку, мне это тоже не очень нравится. Вышла какая нить одежда клетчатая, все-все в ней. Вышла обувь, все в ней» (КЖ31).

Величина города – социальный конструкт, который существует в обязательном сопоставлении: «Я сама из Казахстана, из маленького города. Ну не совсем маленького, по сравнению с Екатеринбургом очень маленький, город Костанай» (КЖ17). Точно так же очень маленьким и неизвестным «городком» считает свой Экиба

студз другая ее соотечественница: «Он очень маленький, поэтому о нем мало кто знает, особенно здесь на Урале. Нас там около 200 000 жителей, так что он мало известен» (КЖ28).

Подобным образом, через определение значимых ориентиров и размещение относительно них конструируется географическое положение того или иного места. Если в одном интервью Екатеринбург размещается «примерно в 700 км» от Костаная, то в другом уральская столица оказывается ближе к Европе: «Сначала мы поехали просто с мамой, в город Екатеринбург, в гости к ее подруге. Мне очень сильно понравился город, потому что мне вдруг показалась, что он очень похож на Фрайбург, я Германию очень люблю» (КЖ43). Заметим в скобках, что Фрайбург и Костанай практически одинаковы по количеству жителей – около 220 тыс. человек.

В сравнении с городами, где находятся возможные для поступления вузы, Екатеринбург выигрывает за счет своей «перспективности»: «Омск менее перспективный город, чем Екатеринбург <...> Я была в Омске, у нас там родственники живут, но мне там не нравится. Здесь намного больше возможностей, и развлечений, и всего прочего. Да и металлургия очень развита» (КЖ28). Перспективность оказывается не только характеристикой города, имеющего хорошее будущее, но и будущего этой девушки, которая рассматривает его как неплохое место для жизни в целом: «домой я точно не вернусь, в России можно остаться, Екатеринбург в принципе неплохой город для жизни. Здесь можно найти работу...» (КЖ28).

Регион в целом воспринимается как развитый, и это предопределяет преимущество УрФУ, например, над Омским университетом (за который были

родители молодого человека из соображений большей близости к дому): «захотелось сюда, потому что здесь более такой развитый регион, наверное» (КМ42).

Минусы Екатеринбурга для поступающих были связаны с его неизвестностью вплоть до того, что отсутствие города/вуза в информационном поле могло серьезно уронить сделанный абитуриенткой выбор в глазах друзей:

«многие друзья они поступили там, в Турцию, в Корею, в Японию, некоторые даже учатся во Франции, ... я сказала Россия, они подумали Москва, я говорю, нет, Екатеринбург. Это вообще где, что за город? Ты вообще дура, зачем тебе туда, что ты там потеряла. Уже перед отъездом проводы я устраивала, и они там по полной ржали надо мной» (КгЖ14).

«про Екатеринбург я просто ничего не знала. ... я просто в недоумении была что-куда» (КЖ39).

«не так много людей хочет поступать в Россию. Если кто-то хочет поступить, то в Москву и в Питер – самые известные города. Про Екатеринбург часто никто не слышал» (КгМ19).

Отдельный вопрос для абитуриентов из других стран – «дружелюбность» городской среды, которая обеспечивает быструю адаптацию или затрудняет ее. Это понятие включает в себя как предварительные представления о городе, так и отдельные эпизоды из личного опыта, такие как: проблемы с обменом валюты, сложности с адаптацией к погодным условиям, коммуникативная закрытость, а иногда проявление враждебности резидентов по отношению к иностранцам. Информационный вакуум и дружественный «интерфейс» среды на уровне системной миграционной политики и позиционирования города заполняется субъективными оценками и опытом са-

мих приезжающих учиться. На магистрантку из Казахстана произвел сильное впечатление случай в самом начале пребывания в Екатеринбурге:

«Были и оскорбления, бабушки вот например, мы как-то на Шарташе гуляли с девочками, и одна бабушка идет: «Вас так много, вы к мужьям приехали, да?» Она думала то, что мы жены гастарбайтеров, это было вообще. Я говорю, да нафиг нужна такая учеба, я уеду! ... Конечно есть всякие, среди них [приезжих гастарбайтеров] есть и преступники, да. Но есть и те, кто честным трудом зарабатывает. Я и говорю этой бабушке: «Вообще-то мы в магистратуре учимся!» А она мне, говорит, – «без разницы». Это как!.. конечно все от человека зависит, но просто так прохожего оскорблять. Эти взгляды такие» (КЖ8).

Специализирующаяся в области религиоведения студентка магистратуры объясняет это в терминах интолерантности, причем институционализированной:

«недостаточно толерантны. Не толерантны к приезжим людям, к людям другой национальности, с другим вероисповеданием. Отсутствие этой толерантности, причем сразу бросилось в глаза, когда я заполняла анкету при поступлении, там была графа для иностранцев «вероисповедание». Какая разница?! Я вообще могу не говорить какая у меня вера» (КЖ20).

Сталкиваются на опыте иностранные студенты с инцидентами на национальной, религиозной почве или нет, но фактом является постоянное ожидание этой вероятности как на уровне взаимодействия с институтами разного уровня, так и в межличностной коммуникации, при этом данный фактор попадает в перечень значимых демотиваторов и причин отказа от продолжения учебы. Для многих решением этого вопроса служит наличие «землячества», развитые

и активные социальные сети, образованные по национальному или религиозному признаку, действующие на территории города или ВУЗа. Они часто выступают не только как самостоятельные агенты влияния, определяющие выбор ВУЗа, но и как медиаторы, пользующиеся высоким уровнем доверия. Информанты из Таджикистана говорят о земляках-студентах, которые в школе рассказывали об УрФУ, это был одновременно первый источник информации и влияния:

«когда я их увидел, понял, что хороший университет, что хочу сюда поступать ... [говорили] ... что стипендии есть, особенно еще сказали, что материальная помощь есть, социальная помощь есть. Если что-то случается, то помогут. Еще сказали, что город хороший очень» (ТМ29).

В ходе проведенного исследования мы предприняли попытку описать траектории и механизмы выбора абитуриентами (в частности, из стран ближнего зарубежья) направления образования и места его получения и обнаружили ряд противоречий и «неочевидных» факторов влияния. Так, региональные российские вузы (любого уровня) испытывают в настоящее время значительную нагрузку и напряжение, что во многом определяется, с одной стороны, необходимостью для всего российского образования включаться в мировые практики производства образовательных продуктов и знаний, с другой – с отсутствием четко сформулированных и работающих механизмов достижения этих задач. В итоге в конкурентной борьбе за абитуриентов, финансирование конкретным вузам оказывается достаточно сложно «предъявить» целевым аудиториям яркие конкурентные преимущества и обозначить самостоятельные факторы привлекательности. В связи с этим перспективным

может являться интеграция политики продвижения вузов с общей концепцией позиционирования и продвижения региона, города, в котором эти вузы осуществляют деятельность. С одной стороны, это обеспечивает конкретные вузы дополнительными аргументами для привлечения не только абитуриентов и других регионов и стран, но, в первую очередь, может способствовать сокращению оттока «качественного» контингента абитуриентов в другие (преимущественно столичные и зарубежные

учебные заведения). С другой стороны, сами города, обеспечивая инфраструктурную и коммуникационную платформу для продвижения вузов, начинают аккумулировать дополнительные информационные, трудовые инновационные и финансовые драйверы роста благополучия территории. Дальнейшие исследования в этом направлении и проверка гипотез о распространенности описанных связей в других аудиториях позволят уточнить выводы и направления разрешения противоречий.

Библиографический список

1. Chirikov, I. Do Russian research universities have a secret mission? a response to Forrat // Post-Soviet Affairs. Published online: 14 Dec 2015.
2. Goddard, J.; Vallance, P. The Civic University: Re-uniting the University and the City // Higher Education in Cities and Regions: For Stronger, Cleaner and Fairer Regions. OECD, Paris (2011).
3. Moritz, B., Natasha Just, Latzer M. Modeling the second-level digital divide: A five-country study of social differences in Internet use // New Media & Society 1461444815604154, first published on September 9, 2015. doi:10.1177/1461444815604154
4. Benneworth, P.; Charles, D. & Madanipour, A. Building Localized Interactions Between Universities and Cities Through University Spatial Development // European Planning Studies. Volume 18, Issue 10, 2010. – P. 1611–1629.
5. Князева, А.В., Городское стратегирование: роль университета в городском развитии [Электронный ресурс] / А.В. Князева, В.Е. Волков, С.Ф. Жилкин, И.А. Милорадов. URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site125/html/media362/2.doc – Загл. с экрана.
6. Мельник, Д., Федеральный университет: миссия выполнима? / Д. Мельник, А. Меренков, Ю. Мокерова, Н. Веселкова // Отечественные записки. – 2013. – № 4 (55). – С. 159–170.
7. Университет – драйвер развития города [Электронный ресурс] // Университет ИТМО. 25 Октября 2014 http://www.ifmo.ru/ru/viewnews/4315/universitet_drayver_razvitiya_goroda.htm.
8. Университет и регион. Выбор институциональной стратегии развития Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова с учетом потребностей территории Дальнего Востока : колл. монография. / под. науч. ред. М.В. Ларионовой, Е.И. Михайловой, О.В. Перфильевой. – М. : Логос, 2013. – 308 с.

Статью рекомендует канд. филос. наук, доцент Айрапетова С.Н.